

А. В. Ведяев

**Размышления по поводу круглого стола
«Принципы состязательности и обвинительности
в церковном судопроизводстве:
сочетание элементов, тенденции, перспективы»
(Санкт-Петербург, 23 июня 2023 г.)**

УДК [061.22(470.23-25)+27-74:348]:659.131.84
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_103
EDN RHMZKM

Аннотация: В статье излагаются авторские размышления по поводу круглого стола «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы», прошедшего 23 июня 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. Автором состязательность понимается как отделение сторон обвинения и защиты от суда (по аналогии с уголовным процессом), обвинительность — как обязанность самого лица доказать свою невиновность (по аналогии с гражданским правом). Делается вывод об отсутствии в современном церковном судопроизводстве принципа состязательности и о наличии принципа обвинительности (преимущественно в епархиальных судах). Обсуждаются 1) возможность дистанционного участия в заседаниях церковного суда; 2) возможность внесения в Положение о церковном суде принципов состязательности, независимости и несменяемости судей, презумпции невиновности; 3) выделение в церковном суде сторон обвинения и защиты. Предлагаются механизмы изменения принципов формирования епархиального суда с учетом канонов и современного церковного устройства.

Ключевые слова: каноны, церковное право, Положение о церковном суде, судопроизводство, церковный суд, принципы права, состязательность, обвинительность, презумпция невиновности, процессуальные стороны.

Об авторе: **Алексей Викторович Ведяев**

Кандидат богословия, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин Самарской духовной семинарии, доцент кафедры; действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова («Барсовского общества») Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: wedalv@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9395-8741>

Для цитирования: Ведяев А. В. Размышления по поводу круглого стола «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы» (Санкт-Петербург, 23 июня 2023 г.) // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 103–110.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2023

Alexey V. Vedyayev

Reflections on the Round Table Discussion
“Principles of Adversarial and Accusatory Proceedings
in Church Jurisprudence:
Combining Elements, Trends, Prospects”
(St. Petersburg, June 23, 2023)

UDK [061.22(470.23-25)+27-74:348]:659.131.84
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_103
EDN RHMZKM

Abstract: This article presents the author’s reflections on the round table discussion titled “Principles of Adversarial and Accusatory Proceedings in Church Jurisprudence: Combining Elements, Trends, Prospects”, which took place on June 23, 2023, at St. Petersburg Theological Academy. The author defines adversarialism as separation of prosecution and defense from the court (by analogy with criminal proceedings) and accusatorialism as the obligation of the individual to prove their innocence (by analogy with civil law). The conclusion made is that contemporary church jurisprudence lacks the adversarial principle and has the accusatorial principle (especially in diocesan courts). The discussion includes such topics as 1) possibility of remote participation in church court proceedings; 2) the potential inclusion of adversarial, independence and non-removability of judges, and presumption of innocence in the Regulations on Church Courts; 3) separation of prosecution and defense in church courts. Mechanisms of changing the principles of diocesan court formation in accordance with canons and modern church organization are proposed.

Keywords: canons, Church Law, Regulations on Church Courts, jurisprudence, church court, legal principles, adversarial, accusatorial, presumption of innocence, procedural parties.

About the author: **Alexey Viktorovich Vedyayev**

Ph.D. in Theology, Head of the Department of Church Practical Disciplines at Samara Theological Seminary, Associate Professor; Full member of T. V. Barsov Society for the Study of Canon Law (“Barsov Society”) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: wedalv@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9395-8741>

For citation: Vedyayev A.V. Reflections on the Round Table Discussion “Principles of Adversarial and Accusatory Proceedings in Church Jurisprudence: Combining Elements, Trends, Prospects” (St. Petersburg, June 23, 2023). *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 4, pp. 103–110.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.

23 июня 2023 года в Санкт-Петербургской духовной академии состоялся круглый стол «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы», организованный Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество)¹. Настоящая статья содержит мои размышления как по тезисам, подготовленным д. ю. н. Ю. В. Оспенниковым и заранее разосланным участникам мероприятия, так и по итогам уже состоявшегося круглого стола.

Принцип состязательности мною понимается так, как он закреплен в современном процессуальном праве России и иных государств. В уголовном процессе он понимается следующим образом: функция обвинения и защиты возлагаются на разные лица или институты, они равноправны, а суд выступает лишь арбитром. В иных процессуальных отраслях (гражданский, административный, арбитражный суд) понимание похожее, но в них не говорится о сторонах обвинения и защиты, поскольку таковые в данных процессах отсутствуют. Поэтому указанные отрасли оперируют общим понятием «стороны», разрешить спор которых призван суд.

Для того чтобы говорить далее про принцип состязательности в церковном суде, следует разобраться, на какую из процессуальных отраслей он, церковный суд, больше похож. На круглом столе 23 июня говорилось, что анализ Положения о церковном суде (Положение о церковном суде) показывает, что его авторы в основном ориентировались на уголовный процесс [Круглый стол Барсовского общества, 2023, 164], однако при составлении ст. 10, вероятно, про это забыли: она сначала говорит про две стороны (заявителя и обвиняемого), после чего сообщает о спорящих сторонах как об участниках процесса по разногласиям. Если с рассмотрением дел по обвинениям в совершении церковных правонарушений все предельно понятно, то процессы по спорам вызывают вопросы — какие именно дела здесь может рассматривать церковный суд? В действующих документах Русской Православной Церкви можно указать несколько таких случаев, например признание монашеского пострига недействительным при его совершении без благословения архиерея (Положение о монастырях и монашествовавших, ст. 6.4; (Положение о монастырях и монашествовавших)), признание церковного брака утратившим каноническую силу (документ «О канонических аспектах церковного брака», гл. 5; (О канонических аспектах церковного брака)). Однако оба эти вопроса подразумевают наличие вины определенного лица (соответственно священнослужителя, совершившего постриг, и супруга, виновного в распаде брачного союза). Следовательно, они уже могут быть подведены под процесс, связанный с обвинением одной из сторон, «побочным эффектом» которого будет разрешение иных вопросов (здесь можно указать аналог из светского права — гражданский иск, вытекающий из уголовного процесса).

На круглом столе 23 июня некоторыми участниками упоминалось о возможности рассмотрения догматических споров церковным судом. Однако здесь мы вновь имеем дело с виной человека, причем она будет заключаться даже не в наличии неортодоксальных взглядов, поскольку человек может думать все, что хочет, и это не несет опасности никому, кроме него самого. В то же время распространение таких взглядов уже может привести к негативным последствиям для иных лиц.

В связи с этим следует признать, что современный церковно-судебный процесс скорее похож на светский уголовный, при этом он может содержать какие-то иные элементы, похожие на административное или гражданское судопроизводство. Не следует забывать и о том, что некоторыми полномочиями в этой сфере наделен Патриарх: по Уставу Русской Православной Церкви (Устав Русской Православной Церкви, 2017) он вправе разрешать недоразумения между архиереями, которые обращаются к его посредничеству, без формального судопроизводства (гл. 4, ст. 7, п. «ш»). Этот

¹ Тезисы и ход обсуждения на круглом столе см.: [Круглый стол Барсовского общества, 2023].

институт чем-то похож на административное разрешение вопросов или на третейское судейство.

Таким образом, мною принцип состязательности понимается так, как он мыслится в российском уголовно-процессуальном праве. Анализ Положения о церковном суде говорит о том, что данный принцип в таком виде в нем отсутствует. Функция обвинения по совместительству возложена на суд, что свойственно для более ранней формы процесса — инквизиционной. При этом судебные полномочия проистекают из архиерейской власти (единоличной в епархиальном суде и коллегиальной в Высшем общецерковном суде) и делегируются судьям, которые выполняют лишь совещательную роль.

На круглом столе 23 июня говорилось о возможности создания институтов обвинения (некая «духовная прокуратура») и защиты [Круглый стол Барсовского общества, 2023, 165–166, 169]. Эти идеи представляются очень своевременными. При этом высказанные некоторыми выступающими мысли о том, что отделение обвинения от суда нарушит принцип полноты власти архиерея, выглядят необоснованными. Каноническое и догматическое предание действительно говорит о полноте власти архиерея, в т.ч. в судебных вопросах. Однако архиерей здесь должен быть именно судьей, но не обвинителем. На «духовную прокуратуру» можно было бы возложить и иные функции, крайне востребованные в современное время, а именно проверку церковных нормативных и правоприменительных актов на соответствие внутренним церковным документам, в первую очередь Уставу. Это актуально на всех уровнях церковной власти — как на общецерковном, так и на епархиальном, поскольку зачастую принимаемые документы противоречат друг другу. «Духовная прокуратура» могла бы действовать в этих вопросах как ее светский аналог — указывать на недостатки и выносить предложения соответствующим органам об их устранении.

Создание института «духовных адвокатов» также представляется целесообразным. В церковном суде, как и в светском, обвиняемый находится в заведомо уязвимом положении: как правило, он в подавленном состоянии; суд все же обычно подразумевает, что он виновен, что формирует к нему подсознательное негативное отношение. Эти недостатки и может компенсировать наличие защитника с нейтральным статусом. Можно также указать на католическое право, которое подразумевает возможность участия адвоката в церковных процессах.

Возникший на круглом столе вопрос о том, где брать кадры для обвинения и защиты, на мой взгляд, уже разрешен: с этим вполне может справиться новая магистерская программа Московской духовной академии «Современное каноническое право» (см. подр.: [МДА: *Профиль «Современное каноническое право»*]). Думаю, в перспективе она может дать и квалифицированные кадры церковных судей, что будет способствовать разрешению проблемы, которая также упоминалась. Согласен и с высказанной мыслью о том, что можно провести эксперимент: попробовать привлечь обвинителей и адвокатов в нескольких церковных судебных процессах и посмотреть, что из этого получится.

В то же время не соглашусь с высказанной мыслью о том, что защитниками могут быть только клирики. На мой взгляд, ими могут быть и миряне. Здесь главный критерий — не наличие сана, а должная подготовка. То же самое, на мой взгляд, касается и стороны обвинения, хотя тут могут возникнуть определенные проблемы: например, обвинение лица, который выше по сану, может выглядеть несколько некорректно. С другой стороны, действующее Положение, говоря про подачу заявления о церковном правонарушении, делает ограничение только для архиереев — дело в отношении них может быть возбуждено только по заявлению архиерея или клирика (ст. 34). Таким образом, если мирянин вправе заявить на клирика, то он может и поддерживать такое обвинение. Впрочем, указанная норма нуждается в более глубоком анализе с канонической точки зрения.

Даже при выделении в церковном суде стороны обвинения проблема его объективности и беспристрастности не будет разрешена, по крайней мере на уровне

епархиального суда. Причина здесь кроется в наличии взаимных зависимостей: обвиняемый и судьи зависимы как от архиерея, так зачастую и друг от друга. В светском процессе судья не может рассматривать дело, если он находится в каких-либо отношениях с любой из сторон. Решением может быть наделение судей гарантиями независимости и несменяемости: например, запрет снимать их с должности судей, переводить на иной приход или подвергать дисциплинарным взысканиям без санкции вышестоящей власти (Патриарха, Синода или Высшего общецерковного суда). Следует отметить, что об этих проблемах было сказано ранее в моих публикациях (см.: [Ведаев, 2021, 315]). Однако это представляется в настоящее время малореальным. Видится иной выход из ситуации, который раскрою позже.

Теперь перейду к *принципу обвинительности*. В российском процессуальном праве такое понятие отсутствует, поэтому его можно понимать по-разному. На мой взгляд, его логично трактовать как противоположность презумпции невиновности. Последнее подразумевает, что лицо считается невиновным до тех пор, пока обратное не будет доказано, причем обвиняющей стороной (см.: [Магузов, Малько, 2004, 236]). Антиподом такого подхода можно считать то, что лицо изначально подразумевается виновным, причем оно само обязано доказать свою невиновность. Данный подход имеется в современном праве, но не в процессуальном, а в материальном: гражданское право подразумевает освобождение от возмещения вреда в том случае, если лицо доказало отсутствие своей вины. Строго говоря, именно этот принцип прослеживается в канонах (см. подр.: [Волужков, 2018, 167]). В частности, есть два правила Карфагенского Собора. Одно адресовано епископам: «...да имеет свободу к оправданию в течение другого месяца, да не будет в общении, доколе не очистит себя доказательствами по делу...» (Книга правил, 2004, 28-е правило). Второе направлено к клирикам, которые должны «...защищать свое дело и попещися о доказательствах своея невиновности, да учинят сие в течение года, в который должны быти вне общения» (Книга правил, 2004, 90-е правило). При поверхностном рассмотрении здесь виден явный принцип обвинительности (см. подр.: [Волужков, 2018, 166]). Конечно, необходим их более глубокий анализ, в т. ч. на основе греческого оригинала и толкований. Не исключено, что таковой анализ может дать иное представление об этих нормах, которые на самом деле вполне могли быть понимаемы как право на защиту и опровержение обвинений. Но даже при понимании этих канонов как рассматривающих лицо заведомо виновным следует понимать, что эти правила писались в то время, когда понятие презумпции невиновности еще не появилось в юриспруденции. В наши же дни она является неотъемлемым атрибутом любой цивилизованной системы права, поэтому отказ от нее в канонике представляется необоснованным.

Логичным выводом из принципа обвинительности является то, что суды склонны выносить обвинительный приговор. Анализ судебных актов говорит о том, что это чаще всего относится к епархиальным судам: большинство их решений заканчиваются осуждением. В то же время в Высшем общецерковном суде, который в подавляющем большинстве случаев работал по второй инстанции, значительная часть решений имела оправдательный характер. Единственной причиной здесь видится факт зависимости от епархиального архиерея как судей епархиального суда, так и самого обвиняемого, чего, как правило, нет в Высшем общецерковном суде. Более того, в светском праве практически любого государства рассмотрение судьей дела зависимого от него лица является абсолютно недопустимым. Это еще раз подтверждает правоту высказанного мною тезиса о том, что самым необходимым для функционирования церковного суда как инструмента по обеспечению справедливости является *принцип независимости судей*.

На мероприятиях Барсовского общества многократно говорилось о том, что даже в больших епархиях все клирики обычно являются в какой-то степени зависимыми друг от друга, не говоря уже о небольших епархиях, где порой создать полноценный суд вообще невозможно (см. подр.: [Оспенников, 2023, 192]). Конечно, можно вспомнить о том, что Положение о церковном суде дозволяет в виде исключения,

по благословению Патриарха, возлагать полномочия епархиального суда на епархиальный совет (ст. 23). Но бывают настолько крохотные епархии, где даже это затруднительно. Не стоит забывать и о том, что с 2008 г., когда было принято Положение о церковном суде, прошло много времени, за которое сильно поменялось управленческое и территориальное устройство Русской Православной Церкви. Одно из важнейших изменений — появление митрополий. В нынешних условиях представляется целесообразной реформа церковного суда, а именно переход от епархиальных судов к судам митрополий. Для епархий, не входящих в состав митрополий, или для митрополий с малым количеством епархий возможно объединение в судебный округ нескольких епархий (преимущественно соседних) по решению священноначалия в лице Патриарха и Синода. В этом случае церковный суд можно формировать следующем порядке: от каждой епархии избираются или назначаются судьи, а решение утверждается тем архиереем, в юрисдикции которого состоит подсудимый. При таком составе зависимыми будут лишь те судьи, которые принадлежат к епархии этого архиерея (также об этом см.: [Круглый стол Барсовского общества, 2023, 165, 168, 169]).

В перспективе можно было бы перейти на иной механизм формирования таких судов, а именно осуществление суда только архиереями митрополии или судебного округа, без участия судей-клириков. В частности, Положение о митрополиях в редакции 2018 г. (Положение о митрополиях) предусматривает возможность рассмотрения архиерейским советом митрополии конфликтных ситуаций, затрагивающих всю митрополию (ст. 10 п. «п»). Почему бы не разрешить ему рассмотрение судебных дел? К тому же осуществление суда собором архиереев больше соответствует канонам (12-е и 29-е правила Карфагенского Собора (Книга правил, 2004)): епископа должны судить не менее 12 архиереев, клириков — шесть для священников и три для диаконов (в их число входит и их собственный епископ), прочих клириков (имеются в виду церковнослужители) — их епископ. Из анализа этих правил следует сделать вывод, что в них содержится идея коллегиальности, которая может быть осуществлена при наличии не менее трех архиереев. Это логично: при двух архиереях все будет решать председатель, поскольку при разных мнениях приоритет будет отдаваться его голосу. Поэтому сейчас указанные в канонах цифры о количестве архиереев могут даже не соблюдаться полностью, главное, чтобы был выдержан минимум.

При осуществлении суда собором архиереев митрополий или созданных судебных округов потребность в судьях в лице священников или викарных архиереев полностью отпадет. При этом можно будет рассчитывать на увеличение объективности и беспристрастности рассмотрения дел. Конечно, субъективный фактор останется — некоторая зависимость архиереев митрополии от ее главы, корпоративное сознание и солидарность. Но все же он будет однозначно ниже, чем при современном механизме формирования епархиальных судов, что и видно по результатам деятельности Высшего общецерковного суда.

В связи с этим возникает еще один вопрос, который затрагивался в рамках круглого стола 23 июня: каким образом будет финансироваться проезд сторон к месту проведения судебного заседания [Круглый стол Барсовского общества, 2023, 165]. При этом была высказана мысль, что дистанционный формат не соответствует канонам, поскольку они подразумевают личное участие [Круглый стол Барсовского общества, 2023, 165]. С данным мнением невозможно согласиться. Вероятно, оно проистекает из 29-го правила Карфагенского Собора (Книга правил, 2004), которое говорит, что обвиненный епископ должен явиться в суд в назначенное время. Идея данного канона — невозможность рассмотрения дела без участия обвиняемого (пусть даже и явился представитель), обязанность делать это только при его личном присутствии. Современные технические средства позволяют это сделать и без поездки в место проведения суда. То, что каноны не говорят про дистанционное проведение судебных заседаний, объясняется предельно просто: таковые отсутствовали на момент составления правил. Не следует забывать, что в течение нескольких последних лет даже заседания Священного Синода часто проводились в дистанционном формате,

что было обусловлено пандемией коронавируса. В российском процессуальном праве нормы об использовании в некоторых случаях дистанционных средств существуют уже достаточно давно, а за последние несколько лет они были значительно расширены — вероятно, тоже не без влияния пандемии. Весьма актуально будет их включение и в Положение о церковном суде².

Использование таких средств позволит значительно ускорить церковное судопроизводство. В рамках предлагаемых изменений это станет особо важным для больших по территории епархий и митрополий. Чрезвычайно актуально это было бы для Высшего общецерковного суда. Проведение его заседаний не более чем 1–2 раза в год значительно замедляет процесс обжалования решений епархиальных судов и крайне негативно характеризует современную церковно-судебную систему. Инертность и неповоротливость в этом вопросе объяснима очень просто: практически все судьи возглавляют епархии за пределами московского региона, а некоторые даже за границей, поэтому собраться вместе для них затруднительно. Поэтому использование в Высшем общецерковном суде современных дистанционных средств представляется наилучшим выходом из ситуации.

Резюмируя все изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Принцип состязательности мною понимается так, как он изложен в светском уголовном процессе, к которому более всего тяготеет церковно-судебное право: строгое разделение сторон обвинения, защиты и разрешения дела. Принцип обвинительности мною понимается как восприятие лица виновным до тех пор, пока оно само не докажет свою невиновность.

2. В современном церковном судопроизводстве принцип состязательности отсутствует, а принцип обвинительности, наоборот, присутствует.

3. Целесообразно введение сторон защиты и обвинения, причем наличие последней никак не противоречит принципу наличия у архиерея всей полноты власти. Однако без наделения судей гарантиями независимости и несменяемости даже эти меры не смогут обеспечить объективность и беспристрастность церковного суда.

4. Представляется обоснованной реформа церковного суда с учетом современного устройства Русской Православной Церкви: избрание судей от каждой епархии митрополии или созданных из нескольких епархий судебных округов, или даже осуществление суда архиереями таких образований, без судей-клириков, что будет больше соответствовать канонам и сделает суд более объективным и беспристрастным.

5. В текст Положения о церковном суде желательно внести понятие принципов церковного суда, причем не только состязательности, но и иных — презумпция невиновности, независимость и несменяемости судей и т. д.

Источники и литература

Источники

1. Книга правил (2004) — Книга правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. М.: Русский Хронограф, 2004. 448 с.

2. О канонических аспектах церковного брака — О канонических аспектах церковного брака: Документ принят Архиерейским Собором 29 ноября — 2 декабря 2017 г.: URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html> (дата обращения: 09.09.2023).

² Насколько мне известно, в проекте поправок в Положение о церковном суде, разосланном Управлением делам в епархии в сентябре 2021 г., незадолго до планировавшегося Архиерейского Собора, содержались нормы о возможности дистанционного проведения судебных заседаний.

3. Положение о митрополиях — Положение о митрополиях Русской Православной Церкви: Принято Священным Синодом Русской Православной Церкви 15 октября 2018 г.: URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5284256.html> (дата обращения: 09.09.2023).

4. Положение о монастырях и монашеских — Положение о монастырях и монашеских: Принято Архиерейским Собором 29 ноября — 2 декабря 2017 г.: URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074472.html>

5. Положение о церковном суде — Положение о церковном суде Русской Православной Церкви: Принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2008 г., с изменениями, внесенными Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2017 г.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (дата обращения: 09.09.2023).

6. Устав Русской Православной Церкви (2017) — Устав Русской Православной Церкви: Принят Архиерейским Собором 2000 г., в редакции 2017 г.: URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133114.html> (дата обращения: 09.09.2023).

Литература

7. Ведяев (2021) — *Ведяев А. В.* Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // *Христианское чтение*. 2021. № 3. С. 305–320.

8. Волужков (2018) — *Волужков Д. В.* К вопросу об основаниях церковного судопроизводства: на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // *Христианское чтение*. 2018. № 3. С. 158–171.

9. Матузов, Малько (2004) — *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2004. 512 с.

10. МДА: *Профиль «Современное каноническое право»* — Сайт МДА. Профиль специальности «Современное каноническое право». URL.: <https://mpda.ru/profil-sovremennoe-kanonicheskoe-pravo/> (дата обращения: 09.09.2023).

11. Круглый стол Барсовского общества (2023) — *Баган В., свящ., Волужков Д. В., Гайдено П. И., Митрофанов А. Ю., Оспенников Ю. В., Тарнакин Н. А., Хохлов А. А., Шершнева-Цитильская И. А.* Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы // *Христианское чтение*. 2023. № 3. С. 147–171.

12. Оспенников (2023) — *Оспенников Ю. В.* Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // *Христианское чтение*. 2023. № 1. С. 180–198.